

**Ришельевская, № 4 (Дерибасовская, № 12):
дом Поджио — Кирико — Новикова**

В ходе самого первого отвода земельных участков под жилую застройку на территории нарождающейся Одессы в августе-сентябре 1794 года лучшие места, близ нынешнего оперного театра, получили высшие и наиболее заслуженные офицеры: генерал-поручик князь Волконский, инженер-подполковник де Волан, секунд-майоры Кирьяков и Поджио. Интересующий нас участок (места №№ 21-22 в IV квартале Военного форштата), на углу нынешних улиц Дерибасовской и Ришельевской, достался последнему из них.

Виктор Яковлевич (Витторิโอ Амадео) Поджио — уроженец Пьемонта в Северной Италии. В российскую службу вступил в 1770-х годах по протекции Иосифа (Хосе) де Рибаса, причем изначально по медицинской части (подлекарь). Участвовал в русско-турецкой кампании 1787-1791 годов в качестве волонтера. Особо отличился под Измаилом, ходил на штурм турецкой твердыни вместе с де Рибасом, де Ришелье (ранен), Ланжероном, де Воланом, Рибопьером (убит) и другими заслуженными боевыми офицерами. За храбрость был произведен в секунд-майоры. В 1796 году вышел в отставку, целиком посвятив себя градостроительству и обустройству институций местного самоуправления Одессы. В 1797 году горожане избрали майора Поджио в Одесский городской магистрат.

Основным его занятием были крупные казенные и частные строительные подряды, поставка камня-известняка, так называемой пуццоланы. К слову, поставкой значительных объемов ракушечника в конце XVIII столетия Поджио занимался на паях с младшим братом адмирала де Рибаса, Феликсом Михайловичем, отчего в 1799 году у них даже возник серьезный имущественный спор о 20.500 руб. (для сравнения: весь подряд на строительство Городского театра составлял 25.000 руб.). Отставной секунд-майор наиболее прославился двумя самыми значимыми в 1800-е годы градостроительными проектами: сооружением Городского театра и Городского госпиталя (нынешней Городской инфекционной клинической больницы).

Как свидетельствуют архивные документы, Поджио активно строил оба объекта параллельно с весны 1805 года под надзором своего соотечественника архитектора Франческо Фраполли, получая от казны дефицит-

ные тогда в городе строительные материалы — мачтовые деревья, кровельное железо и др. Замечательно, что работал он более чем ответственно. При освидетельствовании театра и госпиталя авторитетной комиссией Одесского строительного комитета оказалось: многие виды работ сделаны с немалым избытком. Почему? По той причине, что опытный подрядчик, видя отдельные просчеты проекта, например, расширял фундаменты. Ему, правда, впоследствии компенсировали сверхсметные расходы. Глядя на монументальную центральную часть старой больницы, трудно поверить, что в столь сложных ретроспективных условиях ее можно было возвести в каких-нибудь два года. Театр строился дольше, однако и это, самое приметное в старой Одессе сооружение, было окончательно достроено весной — в начале лета 1809 года и сдано по описи смотрителю театра.

Но вернемся к интересующему нас дому. Прежде всего, отметим: этот дом Поджио (ему принадлежали и другие, например, один из них примыкал к саду Феликса де Рибаса со стороны Преображенской) — вообще один из самых первых и лучших домов города. Если Поджио превосходно строил заказные объекты, то можно себе представить, как старательно возводил собственный дом. По существовавшим тогда правилам, отведенный участок следовало застроить в два года, в противном случае его могли отобрать и передать в другие руки. Реально в те годы места отбирали редко, однако Поджио не стал медлить и построился даже в более короткий срок. Во всяком случае, выход в отставку в 1796 году явно связан с обретением, так сказать, оседлости.

Обширный двухэтажный дом Поджо, классической архитектуры, простой и функциональный, как принято говорить, без затей, отменно характеризует сразу несколько документов, недавно обнаруженных мною в фондах Государственного архива Одесской области и Одесского государственного историко-краеведческого музея. Один из них датирован 7 октября 1800 года, и в нем говорится буквально следующее: майор Виктор Поджо сдал внаем "для приезжающих господ генералитетов под квартирование... свой двухэтажный дом, на Военном форштате состоящий, на шесть месяцев за сто семьдесят пять рублей". На этом документе есть подпись тогдашнего городского головы Ивана Кафаджи (Кефаджи). Этот текст отлично согласуется со свидетельствами сына В.Я. Поджо, известного декабриста Александра Поджо: "Не говоря о Рибасе и его братьях, которые постоянно исключительно к нему (отцу. — **О. Г.**) были расположены, могу назвать герцога де Ришелье, графа Ланжерона, князя Григория Семеновича Волконского (...) и самого Суворова, который постоянно останавливался у него проездом через Одессу. Помню рассказы матушки о посещении этого полководца — чудака великого. Как в удобность ему выносились из каменного дома нашего, едва ли не единственного тогда в Одессе, все зеркала и мебель, оббитая штофом, вывезенная из Неаполя, и на место этой мебели ставились простые скамьи. Ему готовилась самая простая пища. С каким горячим увлечением говаривал он с матушкой по-итальянски!". Вот вам и адрес для мемориальной доски А.В. Суворову.

Следующая информация будет еще более занимательной. Всем известно, что де Ришелье избрал местом своего обитания смежный со стороны Ришельевской улицы дом начальника таможни М.М. Кирьякова, по какой причине и улица обрела свое наименование. Но никому невдомек, что был и другой синхронный одесский адрес Дюка, а именно дом Поджо. Я нашел архивный документ, относящийся к хронике заседаний Одесского строительного комитета и никогда прежде не публиковавшийся. Гласит он следующее: 2 февраля 1805 года майорше Магдалине Поджо за нанятый для градоначальника де Ришелье дом, с 15 апреля 1804 года, за шесть месяцев следует заплатить 600 руб. и за флигель в том же доме, нанятый на два месяца, 70 руб. То есть, как минимум, полгода Дюк и его канцелярия размещались в доме Поджо. Ришелье прибыл в Одессу в марте 1803 года и, не исключено, еще тогда поселился именно здесь. Вот вам и еще один адрес для мемориальной доски.

Дом этот для Одессы младенческих и юных лет был, конечно, грандио-

зен. "Геродот Новороссийского края" А.А. Скальковский в числе первых лучших частных строений называет всего лишь два дома: майора Виктора Поджио и почетного гражданина Евтея Клёнова. На плане города 1802 года, высочайше утвержденном в следующем, 1803-м, дом показан отстроенным в дальнейших своих пределах по Дерibasовской и Ришельевской улицам. Конфигурация строения не меняется на планах 1814-го и 1828-го годов, если не считать того, что на более поздних планах главный въезд в обширный двор обозначен со стороны Ришельевской улицы. Дом этот часто упоминается в декабристской литературе, поскольку оба сына владельца, Иосиф и Александр Викторовичи, были известными декабристами, и родительские апартаменты посещали многие известные деятели движения. Первый из сыновей, штабс-капитан, участник наполеоновских войн, скончался в 1848 году. Второй, подполковник, — в 1873-м. Сам Виктор Поджио ушел из жизни 29 августа 1812 года, возможно, и от чумы: на первом этапе эпидемии, до вынужденного объявления всеобщего карантина, болезнь не решались диагностировать, и умерших хоронили еще не на Чумном, а на общем Городском кладбище. Старое кладбище, как известно, уничтожено в середине 1930-х годов, и вместе с ним сгинула память о многих строителях Одессы.

После кончины Виктора Яковлевича дом достался его вдове и сыновьям. Любопытный сюжет. Иосиф Викторович Поджио был женат на представительнице известного рода Бороздиных, также связанного с Одессой, Марии Андреевне. Эта супруга, шантажируемая собственным отцом, не сумела последовать за декабристом в Сибирь, вынуждена была получить официальный развод, и впоследствии вышла замуж за князя А.И. Гагарина, лучшего из адъютантов графа Воронцова. Уже после ее кончины Гагарин женился вторично на юной красавице, княжне Анастасии Давидовне Орбелиани, но вскоре его, безоружного, в собственной резиденции (он был тогда генерал-губернатором в Кутаиси) смертельно ранил князь Дадешкелиани, но это отдельный сюжет.

В 1821-1823 годах чиновник довольно высокого ранга, статский, а затем действительный статский советник Лука (вероятно, Лучиано) Григорьевич де Кирико стал энергично приобретать в Одессе недвижимость (здания и сооружения, садовые участки и землю), в том числе купил у наследников и интересующий нас дом. В 1824 году оценка этого дома составляла 80.000 руб., а прибыли он давал ежегодно 5.000 руб. Это один из самых высоких показателей в Одессе тех времен. Для сравнения: другой престижный дом, приобретенный де Кирико у купца Е.Д. Ралли, предста-

вителя известного греческого семейства, в 1822 году, оценен лишь в 15.000 руб., правда, доходность его выше — 1.500 руб., то есть 10% от оценочной стоимости (он располагался на Приморском бульваре). Это очень хорошие показатели, ибо лишь единичные помещения в городе приносили большую прибыль, да и то лишь хлебные магазины (амбары) за единственным исключением обширного доходного дома майора Андрея Буги, по той же Ришельевской улице.

Даже четверть века спустя дом Кирико, бывший Поджою, оставался одной из самых дорогих частных одесских построек. Он, скажем, оценен в три с лишним раза дороже, нежели сохранившийся по сию пору дом Прокопеуса ("Два Карла"). Дом Кирико стоил больше, чем два дома богатейшего откупщика Маразли-старшего по Итальянской улице вместе взятые. В начале 1830-х дом принадлежал уже наследникам Кирико, судя по всему, его супруге, "Елене Антоновне дочери де Кирико". О Констанции де Кирико в ироническом контексте упоминает В.И. Туманский (надо все же полагать, что он ошибся с именем и говорит не о дочери, а о матери, Елене; дочери учились в Одесском институте благородных девиц и были вполне цивилизованы).

"Находившийся долго в Бухаресте генеральным консулом действительный статский советник Лука Григорьевич Кирико, армяно-католик, был просто человек необразованный и корыстолюбивый, — пишет желчный Ф.Ф. Вигель. — Жена же его, смолоду красотка, всегда в обществе изумляла его совершенным неведением приличий, какою-то простодушною, детски-откровенною неблагопристойностию в речах и действиях. Она мыслила вслух, никогда не смеялась, зато всех морила со смеху своими рассказами. Худенькая, живая, огненная, беда, бывало, если кто ее раздражит; несмотря на то, мистификациям с ней конца не было. Из анекдотов об ней составила бы книжица, но кто бы взялся ее написать и какая цензура пропустила бы ее? Я позволю себе привести здесь два или три примера ее наивного бесчинства. Описывая счастливую жизнь, которую вела она среди валахских бояр, говорила она мне, как и многим другим: "Все они были от меня без памяти, а как эти люди не умеют изъясняться в любви иначе как подарками, то и засыпали меня жемчугом, алмазами, шаями. Как же мне было не чувствовать к ним благодарности? Иным скрепя сердце оказывала ее; с другими же, которые мне более нравились, признаюсь, предавалась ей с восторгом". Раз поутру у Собаньской сидели мы с Паленом; вдруг входит мадам Кирико, объявляет, что намерена провести тут целый день и для того привезла

с собою рукоделье. Живость разговора не позволила сперва заметить, в чем оно состояло; когда же Собаньская на столе увидела малиновое бархатное мужское исподнее платье, то почти с ужасом вскрикнула: что это такое, моя милая? "Да так, — отвечала она, — вы знаете, какой мерзкой скряга у меня муж; с трудом могла у него выпросить эту вещь; хочу ее здесь распороть и выкроить из нее шпинцеры для дочерей". С трудом могли ее уверить, что это уже слишком бесцеремонно. Из этого можно посудить о прочих поступках сей нарядной, даже превосходительной шутихи, которая, впрочем, кое-как выучилась по-французски и давала у себя иногда вечера. Две миленькие скромные дочки ее, Констанция и Валерия, перестали уже краснеть от ее слов, а показывали вид, будто их не слышат. Вообще служила она публичным увеселением, но Собаньская как-то особенно умела ею овладеть".

С самых ранних эпох существования Одессы в верхнем этаже дома Кирико располагались элитарные увеселительные заведения: сначала коммерческое казино итальянца Луиджи Лемме, а затем знаменитая ресторация Маттео, славившаяся, опять-таки, итальянской кухней. Редкий мемуарист не упоминает об этом заведении: о нем повествуют известные некогда бытописатели Болеслав Маркевич, Осип Чижевич, Константин

Скальковский, несколько представителей семейства де Рибас и др. В ресторане Маттео, между прочим, давали обед Н.В. Гоголю во второй его одесский визит, в 1851 году. На этой вечеринке присутствовал цвет "умственной Одессы": Лев Сергеевич Пушкин — младший брат поэта, служивший тогда в местной портовой таможне, Николай Григорьевич Тройницкий — выпускник Ришельевского лицея, редактор "Одесского вестника", выдающийся общественный деятель, литератор, Николай Петрович Ильин — директор русской драматической труппы в Одессе (безоружным зарублен в Кутаиси, когда пытался защитить генерал-губернатора князя Гагарина — смотри выше). Совершенно очевидно, что обитавший в 1823-1824 годах в находившемся на противоположной стороне улицы доме Рено (бывшем князя Г.С. Волконского) А.С. Пушкин не мог не посещать упомянутое коммерческое казино. Вот вам еще несколько "мемориальных симптомов".

В 1830-х годах помимо высококлассных увеселительных заведений, включая кафе-кондитерские, в доме де Кирико помещались лучшие салоны мод, парикмахерские, часовые, ювелирные, оптические мастерские, музыкальные, оружейные, табачные и так называемые "Английские магазины". При этом традиционно наблюдается некоторый уклон как бы в "мужской набор спроса". Тут, например, работали наиболее востребованные в Одессе мужские портные, французы Лангле и Мишель, преемники прославившегося здесь еще ранее Тессье, а также греческий закройщик Ахилл Приор. Впрочем, параллельно функционировал и популярный дамский салон французской модистки Битру.

Здесь трудился лучший ювелир времен Воронцова — Розагутти (Розегутта), великолепные изделия которого демонстрировались на первой одесской художественно-промышленной выставке 1837 года, приуроченной к визиту императора Николая I. Тут же занимался исполнением частных заказов механик Ришельевского лицея Карл Эдвард Фальк, впоследствии устроивший первый местный частный чугунно-литейный завод, и немецкий же оптик Штейнгардт, в дальнейшем служивший в Императорском Новороссийском университете. Довольно долго в доме Кирико процветала знаменитая кондитерская Адольфа Замбрини (он славился, кроме всего прочего, как искусный фехтовальщик), собиравшая самую изысканную публику, а на смену ей пришло аналогичное заведение Шаца, но уже с немецким уклоном. Любопытно, что много лет спустя, когда владельцем расположенного уже в Пале-Рояле кафе был Евгений Замбрини, его посещал А.П. Чехов.

Еще с тех времен, когда дом принадлежал наследникам Поджио, здесь располагался лучший в городе "Английский магазин", принадлежавший авторитетному негодянту и общественному деятелю Кортацци. В 1817 году он взял на службу приглянувшегося ему 16-летнего паренька, выходца из Вюртемберга Вильгельма Вагнера. Юноша оправдал его надежды исключительным трудолюбием, честностью, сметкой, доброжелательностью, и 1 марта 1833 года, будучи старшим приказчиком, получил этот бизнес в свои руки: семейство Кортацци к этому времени занималось крупными внешнеторговыми операциями, и магазин уже не представлял для них прежнего интереса. Компаньоном Вагнера стал представитель известной греческой купеческой фамилии Михаил Петрокино, но довольно скоро они мирно разошлись, причем каждый сумел отлично реализоваться.

Следует уточнить, что же собой представлял "Английский магазин". Собственно говоря, это был салон роскошных, престижных, качественных зарубежных товаров. Перефразируя Пушкина: всё, чем для прихоти обильной торгует Лондон шепетильный. Прежде всего, блистательная английская посуда от Веджвуда, лампы, плафоны, столовое белье и серебро, мелкая пластика, галантерея, оптика, мебель и т. д. и т. п. Это вовсе не означает, что там не могли реализовывать богемский хрусталь, саксонские сервизы, китайский фарфор, позднее в ход пошли немецкие швейные машинки, канцелярские товары, велосипеды, французские кофемолки, папилотки, щипцы для завивания волос, эстампы, люстры, итальянское стекло и др.

Многие годы магазин Вагнера располагался в доме Кирико, а осенью 1865 года перешел в бывшие лицейские помещения, что в соседнем квартале по Дерибасовской. Произошло это через несколько лет после того, как Вагнер в 1858 году обменял принадлежавшую ему гостиницу "Европейская", примыкавшую к Городскому саду со стороны Преображенской, на комплекс старых строений Ришельевского лицея. С тех пор они и получили название "Дом Вагнера", там стремительно сформировался масштабный торгово-развлекательный городок, как бы наследовавший одряхлевшему Пале-Роялю. Но это отдельный сюжет, а мы вернемся к дальнейшей истории дома Кирико.

Уже в начале 1840-х годов одним из самых, как нынче говорят, раскрученных куаферов считался итальянец, тосканский подданный Луиджи Антонович Контессини, который надолго обосновался в первом этаже дома Кирико. Здесь уместно вспомнить старый анекдот. Парикмахер

спрашивает клиента, как его постричь, а тот отвечает: "Молча". Так вот в популярных парикмахерских, да и в простых цирюльнях, неразговорчивость куафера или цирюльника считалась признаком дурного тона: он просто обязан был развлекать клиента, а главное, снабжать его всевозможной оперативной информацией. Именно таким манером парикмахерская Контессини превратилась в своеобразную справочную контору. Заинтересованные приезжие специально оповещали мастера о своих деловых намерениях, с тем чтобы он распространял эту информацию. Дошло до того, что в местной газете прямо объявлялось, по какому поводу следует обращаться в заведение Контессини. Пример. 17 июня 1844 года в газете "Одесский вестник" опубликовано следующее объявление: "Француз, фабрикант бумаги, знающий математику и лучшие методы древнего и новейшего выделывания бумаги, желает иметь занятие. Он берется устроить новую фабрику и также всякого рода гидравлические колеса, приспособления ко всякой другой отрасли промышленности. Спросить у г-на Контессини, парикмахера, на Дерибасовской улице, в доме Кирико". К слову, несмотря на острую надобность, первое предприятие по производству бумаги, да и то оберточной, возникло в Одессе лишь 20 лет спустя.

Из рекламных сообщений 1846-1847 годов явствует, что парикмахерская Контессини, взявшего в компаньоны некоего Гваздановичева, занималась не только собственно стрижкой и бритьем, но реализовывала парики, букли, шиньоны, косы, а кроме того, выполняла функции косметического салона-магазина. В третьей четверти XIX столетия на смену Контессини пришел не менее популярный мастер — француз Жан. Кроме того, в доме Кирико много лет подряд находились: мастерская известного часовых дел мастера Моисея Штерна (его сын Федор впоследствии служил начальником движения на Одесской железной дороге, и о нем интересно рассказывает в своих воспоминаниях С.Ю. Витте) и один из лучших и старейших в Одессе магазинов музыкальных инструментов и нот итальянца Анжело Занотти, некогда служившего в антрепризе итальянской оперы.

Непреренно упомянем "Торговлю кяхтинскими и кантонскими чаями" одесского купца, общественного деятеля, гласного Думы, благотворителя Гавриила Крапивина. "Кяхтинские" — чай, которые доставлялись из Китая сухим путем через Кяхту, "кантонские" — непосредственно через южнокитайский порт Кантон (Гуанчжоу). Любопытно, что Крапивин сотрудничал с другим известным одесским чаоторговцем и общественным

деятелем, В.С. Кандинским, отцом знаменитого художника. Скажем, во время Балканских войн середины 1870-х они жертвовали самые дорогие чай, так называемые лянсины, для российских волонтеров, сражавшихся на стороне южных славян. В третьей четверти позапрошлого столетия в доме Кирико базировались и солидные мануфактурные магазины — караима Эгиза и еврея Лазаровича.

Немалый интерес представляет табачная ориентация специализированной торговли в доме Кирико, а затем и в доме Новикова, каковая традиция сохраняется буквально до сих пор. Первой крупной табачной торговлей в 1850-е годы здесь занимался греческий купец Роджеро (Руджеро). В 1860-е элитарная табачная торговля сосредоточилась в "Американском магазине Л. Гассена". Этот магазин был рельефно мужским — всё для охоты, похода, дороги: от оружия и кофров до железных кроватей и гаванских сигар. Если суммировать, выходило так, что огромный даже по нынешним масштабам дом представлял собой значимый торговый центр, то есть был доходным в полном смысле этого слова. Собственно говоря, налоги с подобных домостроений составляли значимый источник пополнения городского бюджета.

В начале 1870-х годов дом Кирико перешел во владение поистине знаменитого семейства одесских старожилов, почетных граждан, выдающихся общественных деятелей, "канатчиков" Новиковых. Уже в начале XIX столетия представители этого рода устроили канатные заводы, примыкавшие к улице, впоследствии получившей наименование Канатной. Продукция этих предприятий не только полностью обеспечивала запросы Одесского строительного комитета и регионального отечественного мореплавания, но широко экспортировалась за рубеж. Вслед за Федотом Новиковым большой авторитет приобрели купцы 1-й гильдии Илья Сергеевич и Яков Ильич (скончался в 1872 году) Новиковы, исполнявшие обязанности городских голов соответственно в 1833-1836 и 1848-1845 годах. Огромным авторитетом пользовались наследовавшие им Яков Яковлевич Новиков (скончался в 1880 году) и Александр Яковлевич Новиков (скончался в 1887 году), коммерции советник, член Комитета торговли и мануфактур. Два последних лица и были поочередно владельцами бывшего дома Кирико, а затем он среди прочего солидного имущества отошел к их наследникам. В том числе — Якову Алексеичу Новикову, авторитетному гласному городской Думы, сотруднику Одесского отделения Императорского русского технического общества и члену Английского клуба.

Нелегко даже перечислить все те заведения и офисы, которые размещались в доме Новиковых до его капитальной перестройки перед первой мировой войной: один реестр занял бы несколько страниц текста. Остановимся преимущественно на тех, что были, так сказать, традиционного профиля.

Прежде всего, назовем салон выдающегося одесского фотохудожника Рудольфа Федоровца (Феодоровца), одного из лучших мастеров в этом жанре всех времен, что был в числе создателей Одесского общества изящных искусств (1865 год). В 1860-1870-е годы Федоровец был для Одессы, что называется, знаковой фигурой. "А вот сам Феодоровец, — уважительно восклицает Александр Михайлович де Рибас, — бархатная куртка, волосы, закинутые назад, большой умный лоб. Глаза мечтательные, верующие во все мистически-красивое". В те годы вся Одесса помешалась на спиритизме и сомнамбулизме, и Федоровец сделался ярким приверженцем этих новых веяний, несомненно, обладая способностями экстрасенса, гипнотизера. "Какой это был дивный художник! — восхищается мемуарист. — Он верил в ясновидение и очень часто проделывал опыты с разными субъектами, которых усыплял и затем расспрашивал по самым замысловатым вопросам. Я помню сеансы, на которых присутствовали лучшие представители умственной жизни Одессы: врачи, музыканты, профессора лица. Усыпленная девушка отвечала на все вопросы, угадывала пол и возраст, давала медицинские советы, решала философские задачи".

Нечего и говорить о том, что Федоровец пользовался огромным успехом у слабого пола. Вместе с тем, как всякий талантливый человек, он был

не в меру эмоционален, вспыльчив, раним и нуждался в деликатной умной поддержке. Такую поддержку ему и оказывал другой блистательный одесский фотомастер Александр Хлопонин, питомец Петербургской академии художеств: много лет они работали в одной связке. Великолепный альбом их совместных произведений ныне хранится в ОГНБ имени М. Горького и производит неизгладимое впечатление. Особенно хороши были "концессионеры" в портретном жанре. Лучшие женские портреты старой Одессы — наследие, разумеется, Рудольфа Федоровца. Подобно тому, как популярные куаферы и модистки имели своих фавориток, так и он — своих, не обязательно великосветских. Художник до конца дней выискивал свои типажи, свои фотогеничные образцы.

Уже в 1880-е годы местная газета писала: "Две были старинные фотографические фирмы в Одессе: Хлопонина и Феодоровца. Оба они были не только фотографы, но и художники по профессии. Хлопонин и до сих пор сам дирижирует работами и придает им тот художественный отпечаток, которым отличаются работы этой фотографии. Феодоровец же несколько лет как умер, и едва ли остался даже какой-нибудь аппарат, работавший при покойнике, а между тем на вывеске фотографии красуется: Феодоровец, фотограф Двора и проч."

Преемником Феодоровца в нашем доме стал его лучший ученик, В. Чеховский, получивший гран-при на первой международной фотовыставке, состоявшейся в Одессе в бывшем дворце Нарышкиных в 1890 году. А когда Чеховский перевел свою мастерскую в дом Сепича (бывший Фраполли), по Дерibasовской, № 13, свято место, разумеется, не опустело, и в доме Новикова обосновался еще один великолепный фотограф, К.И. Антонопуло. Он завоевал множество медалей и призов на международных фотосалонах, известны жанровые снимки, запечатлевшие, например, посадку в одесском порту на пароход "Петербург" для отправки на Сахалин каторжан, доставленных из московского центра (1889 год).

Бывший "Американский магазин Л. Гассена" перешел в ведение местных предпринимателей Ефима Горлицкого и Ивана Мазуренко, причем основной акцент делался на реализации оружия, как охотничьего, так и для самообороны (даже для защиты от собак, так называемые "велодогги"). Тему реализации и ремонта часов продолжил некто Абрам Шмеркович Лесник. Известный табачный фабрикант Гайк Иванович Бабадаглы представлял изделия из настоящего македонского "дюбека". Готовым платьем торговал самый, пожалуй, престижный в городе магазин фирмы

"Берзон", а мехами — Э.С. Блюм. Тут же размещалась портняжная мастерская купца Л.Я. Резникова. Продажа оптики представлена торговым домом купца С.И. Левинзона, преемника старинной авторитетной торгово-промышленной фирмы "Л. Левенталь". Любопытная деталь: недавно потомок знаменитого гастронома А.К. Дубинина затеял переписку со Всемирным клубом одесситов из Голландии. Так вот он сообщил, что из единичных реликвий, вывезенных его предками в эмиграцию, сохранился лишь театральный бинокль прабабушки с клеймом "Л. Левенталь, Одесса".

Как бы продолжая традиции, заложенные блистательным куафером Контессини, роскошную парикмахерскую в доме Новикова содержал популярнейший мастер начала XX века Николай Гречухин, работавший в паре с супругой Евдокией. Впоследствии этот салон переместился на угол Екатерининской площади и одноименной улицы, причем парикмахерская существовала затем при советской власти многие десятилетия, по крайней мере, до 1980-х годов. Прямо на углу Дерibasовской и Ришельевской находился вход в представительство товарищества "Ж. Блок", которое занималось реализацией импортных швейных машин и числилось по Ришельевской улице, № 4. Еще один занимательный штрих. Перед входом в означенное представительство дислоцировался один из самых посещаемых в Одессе книжно-газетных киосков, каковой арендовал некто Лейба-Берман Хаимович Меерцуг, проживавший по Польской улице, № 4.

Со стороны Ришельевской улицы Новикову принадлежал и другой дом, планоно лежавший в "пятне" бывшего дома Поджио-Кирико. В нем размещался главный офис банкирского дома "М. Ашкенази". Основатель торгового дома — Моисей (Мозес) Ашкенази, много лет занимался хлебным экспортом. Сама "контора" находилась в Могилеве-Подольском, откуда к черноморским берегам и текла подольская пшеница. Тут, как говорится, все были довольны: и производители, и транспортники, и просто горожане, получающие свою долю в виде отчислений от прибыли. На Подолье М. Ашкенази приехал из Европы еще молодым человеком, и своей кипучей энергией, смекалкой, честностью и обязательностью в отношении с деловыми партнерами составил не только значительный капитал, но и авторитет. В 1864 году он основал отделение фирмы в Одессе, а в середине 1870-х передал руководство своему сыну — Евгению Моисеевичу. Отделение занималось операциями, связанными с закупкой и реализацией сельхозпродуктов, но параллельно выступало уже и как кредитное учреждение.

Когда одесское отделение фирмы встало на ноги, в приморский город перебрался и сам Моисей Ашкенази. Они работали рука об руку с сыном и достигли больших высот. По этой ли причине, или по какой другой, но Евгений обрел завидные родственные связи. Сейчас я попробую нарисовать это родственное древо. Представитель крупнейшего в империи банкирского дома Гораций Гинцбург женился на своей двоюродной сестре Анне Гесселевне Розенберг. Сам Гессель Розенберг был крупным предпринимателем в области переработки сахара. Многодетный сахарозаводчик отменно пристроил пять своих дочерей. Анна, как было сказано, вышла за Гинцбурга. Теофила — за Сигизмунда Варбурга, также крупного банкира. Роза — за легендарного фон Гирша. Розалия — за солидного будапештского финансиста Герцфельда. И, наконец, Луиза — за нашего родного, одесского, Евгения Моисеевича Ашкенази.

Идем дальше. У Горация Гинцбурга и Анны Розенберг родился сын Владимир, впоследствии женившийся на дочери известного сахарозаводчика Бродского. (Припоминаете сакраментальное: "Сахар — Бродского, чай — Высоцкого, Россия — Троцкого". В Одессе прибавляли: "Шляпы — Скроцкого".) Сестра Горация Гинцбурга, Матильда, вышла замуж за племянника французского министра финансов П. Фульда. А вот одна из ее дочерей вступила в брак со знаменитым бароном Эдуардом Ротшильдом. Теперь при желании можно точно нарисовать картину родственных связей одесского банкира — представителя настоящей финансовой империи.

К этому остается прибавить, что Мозес Ашкенази ушел из жизни в 1887-м, на 76 году от роду. Ненадолго пережил его и сын Евгений, скончавшийся в 1890 году. Все дело перешло к внуку основателя фирмы, Зигфриду Евгеньевичу, который на исходе XIX столетия значительно его расширил, кредитовал крупные экспортные операции, различные коммерческие и промышленные предприятия. З.Е. Ашкенази продолжал заниматься хлебным экспортом и кредитно-банковскими операциями. Сотрудниками фирмы состояли лучшие специалисты в этой области — Ю.Н. Брук, Я.М. Ландау, Я. Эштерлин, Л.Б. Файнлейб, А.Т. Фридман (доверенные лица), Я.Н. Наливайский (бухгалтер). Все эти годы фирма официально продолжала носить имя своего основателя — Моисея Ашкенази.

Вот краткий перечень регалий З.Е. Ашкенази накануне первой мировой войны: хозяин банкирского дома, выборный купеческого сословия, член Комитета торговли и мануфактур, член Биржевого комитета, товарищ (заместитель) председателя Арбитражной комиссии Биржевого ко-

митета, член Особого городского раскладочного присутствия, председатель Одесского ремесленного и мелкого ссудно-сберегательного товарищества, директор Комитета попечительства о тюрьмах, член Общества исправительных приютов, член Общества по борьбе с туберкулезом, член Одесского отделения Императорского русского музыкального общества. Как домовладельцу Зигфриду Евгеньевичу Ашкенази принадлежали три дома по Княжеской улице — №№ 6, 8 и 10, и особняк на Приморском бульваре, № 3.

В Государственном архиве Одесской области хранится протокол об учреждении торговыми домами "М. Ашкенази" и "Джекобс, Овен и К" акционерного общества "Русское общество юго-восточного пароходства "Звезда". Основной капитал определен в один миллион рублей, при этом 2/3 его вносится торговым домом "М. Ашкенази"; соответствующим образом распределяется и прибыль. Выпущены акции на предъявителя; устав предусматривает возможность неограниченного увеличения основного капитала. Учреждение нового частного пароходства определялось настоятельной необходимостью вывозить сельхозпродукцию собственными техническими средствами в условиях все более возрастающих ставок на фрахт.

Любопытно, что и сам барон Ротшильд навещал своих одесских родственников в сентябре 1888 года. 43-летний Эдмонд Ротшильд с супругой останавливались в фешенебельной "Лондонской" гостинице, то есть в непосредственной близости от особняка и банковской конторы Ашкенази. Как сообщала пресса, они занимали роскошные апартаменты, выплачивая 100 рублей в сутки. При них находилась прислуга в составе шести особ, доставившая с собой солидный запас консервированных продуктов. О бароне писали, что "сам он не импозантен, невысок, сутул, голос у него глуховатый", и что Ротшильд вообще "производит впечатление чем-то пришибленного человека".

Супругов немедленно атаковала несметная толпа просителей, от которой невозможно было отбиться. Естественно, новый крез тут же "пожертвовал две тысячи рублей на бедных евреев г. Одессы и тысячу рублей в пользу местной большой синагоги". Сколько денег он роздал в ходе личных контактов, исчислению не поддается.

Когда чета покидала гостиницу и направлялась на крымский пароход, ее провожала более чем иронически настроенная толпа зевак. Благодетеля громко обсуждали, корчили рожи и откровенно насмехались. Репортеры отметили, что госпожа Ротшильд от досады закусил губу, а семена-

ший рядом "близорукий анемичный блондин в серой пиджачной, мешком сидящей паре, от страха даже не кивнул никому головой". Сгорбленный, поддерживаемый женой, уселся он в крытую карету. Одеса бывала всякой...

По сравнению со своими богатыми родственниками Ашкенази потратили в разное время на земляков-одесситов несравненно большие суммы, не исключено, даже больше, нежели легендарный Г.Г. Маразли. Здесь вполне достаточно упомянуть о беспрецедентной благотворительной деятельности, я бы сказал, о подвижничестве Луизы Гесселевны Ашкенази, урожденной Розенберг, подлинной патронессы городской Еврейской больницы. Только на сооружение ряда корпусов и специализированных помещений она пожертвовала в разные годы примерно 200 тысяч рублей.

Но вернемся к эволюции дома Новикова в 1910-х годах. Собственно говоря, бывший дом Кирико-Поджио перестраивали в два этапа. На первом, в 1910 году, по проекту одного из самых известных одесских архитекторов, С.А. Ландесмана, перестроили значительную часть здания, обращенную на Ришельевскую улицу. На втором этапе, в 1912-1913 годах, застраивали основную площадь старого дома, обращенного на Дерибасовскую и частично на Ришельевскую. Второй проект составили тот же С.А. Ландесман и инженер П.Л. Славкин, причем в том и другом случае использовались современные строительные технологии с применением бетонных перекрытий. Оба здания включены в реестр объектов культурного наследия. Не так давно в ходе ремонта здания, где находится Дворец бракосочетания, строители столкнулись с немалыми трудностями: поскольку постройка изначально предназначалась под банк, постольку ремонтники не могли пробить дополнительные окна в сверхпрочных стенах. Вообще говоря, оригинальное сочетание банковских стен и ЗАГСа наводит на размышление о браке по расчету.

Еще интересный момент. В отличие от многих других больших доходных домов исторического центра наш дом использовался под жилье лишь на самом первом этапе своего существования, когда еще принадлежал семейству Поджио (тогда вообще ощущался острый дефицит в приличных жилых апартаментах). Если в других зданиях под различные заведения выделялся лишь первый этаж, иногда — второй, под офисы (остальная площадь служила элитарным жильем: чиновникам, офицерам, юристам, врачам, предпринимателям из "среднего класса"), то в данном случае оба этажа сдавались в аренду исключительно как помещения для торговли

и сферы обслуживания. И только после реконструкции 1912-1913 годов верхние этажи специально приспособлялись под жилье. Это был самый современный жилой дом: с лифтами, электричеством, консержами, паровым отоплением, прачечными, водопроводом, ванными комнатами, сплавной канализацией и проч.

Для справки. Помимо перечисленных сооружений С.А. Ландесман проектировал и строил: мост Коцебу (в соавторстве), Бессарабско-Таврический банк по улице Пастера, № 25, театр Сибирякова (в соавторстве) по Пастера, № 15, женскую гимназию по Старопортофранковской, № 22, баню Исаковича по Кузнечной, № 57, школу при Одесском отделении Императорского русского технического общества, трамвайный павильон в Аркадии (и другие, которые не сохранились), доходный дом Серебренникова по Екатерининской, № 70, доходный дом Фальц-Фейна (в соавторстве) по Гоголя, № 7, доходный дом Дурьяна по Тираспольской, № 37, доходный дом Штеренберга по Преображенской, № 60, доходный дом Лившица по Преображенской, № 62, доходный дом Инбера по Преображенской, № 13, свой собственный доходный дом по Бунина, № 40. Он также проектировал городские парки, дачи и проч. П.Л. Славкин тоже строил значимые здания, например, дом табачного фабриканта Асвадунова по Успенской, № 60. Всё перечисленное включено в реестр объектов культурного наследия.

В короткий период после кардинальной перестройки старого дома Кирико и до "смутного времени" сюда вернулись многие из прежде помещавшихся здесь заведений, мастерских, контор, например, представительство товарищества "Ж. Блок", ассортимент которого значительно расширился: теперь помимо швейных предлагались французские и швейцарские машины для вязания и вышивания. Однако эпоха ренессанса продолжалась недолго. По свидетельству замечательного краеведа Ростислава Александрова, в дальнейшем здесь в основном обживались заведения и организации с менее экзотическим назначением и названиями: "Конфексион швейной фабрики имени товарища Воровского", "Областной кулинарный совет", "Зал Губпросвета" (со стороны улицы Ленина), "Общегородская театральна рабочая касса", "Одесское областное отделение всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев". По иронии судьбы, немало представителей последнего общества вскоре сделались жертвами политических репрессий.

Многим поколениям одесситов памятно находившееся в этом доме — там, где когда-то квартировало представительство товарищества

"Ж. Блок", — заведение общепита, не раз менявшее название без особого ущерба для содержания (в 1980-х там была неплохая кондитерская). Невероятной популярностью пользовался подвал-шашлычная, известный под народным названием "У бабы Ути". Сколько помню, в 1970-1980-е годы там лучше готовили купаты, митетей и люля-кебаб, нежели шашлык. Припоминаю и попавшую в местный эпос бабу Утю, официантку или скорее разносчицу: тогда мне и в голову не приходило задуматься, отчего ее так называют (курьезные легенды о ней в последнее время широко тиражируются всевозможными СМИ).

Резюмируем изложенное. Случается, история одного-единственного дома оказывается соразмерной истории целого города — как бы рельефное лаконичное отражение. В каждом проеме фасада можно установить мемориальный знак. Будем помнить друг друга!

